

на существование культурных связей у причерноморских жителей с восточными и южными странами, начиная с III тысячелетия до н. э.¹ Греческая колонизация черноморских берегов была лишь одним из средних звеньев, а отнюдь не началом истории сношений и связей Причерноморья с другими странами.

По поводу же не лишнего оснований предположения о наименовании Черного моря в определенной связи и в определенное время «Скифским морем» приходится констатировать, несмотря на наличие древних подтверждений этого наименования (см. выше), отсутствие прочной и долговременной традиции, которая бы свидетельствовала в пользу его живучести и распространенности. То же самое может быть сказано и о других названиях, прилагавшихся к Черному морю в более позднее время, на протяжении истории живущих вокруг него народов.

Л. А. Ельницкий

О ПЯТИКОЛОННОМ ХРАМЕ, ИЗОБРАЖЕННОМ НА БОСПОРСКИХ МОНЕТАХ II В.

В настоящей статье подлежат рассмотрению те медные боспорские монеты, которые у Бурачкова изданы на табл. XXIX за №№ 177, 201, 202² и имеют сходные изображения фасада античного храма с надписью КА—ПЕ на аверсах и разные монограммы на реверсах. Монеты этих серий (рис. 1—3) обычно принято относить к правлению Котиса II (123—132 гг.), к правлению Евпатора II (154—170 гг.) и к правлению неизвестного боспорского царя, стоявшего у власти в течение короткого времени после Евпатора II до воцарения Савромата II (174—210 гг.). Повидимому, монеты данных выпусков имели широкое и, возможно, длительное обращение, так как преобладающая часть всех известных экземпляров отличается исключительной потертойостью.

Главнейшей моей задачей является правильное истолкование изображения храма и содержания находящейся при нем надписи. До сих пор этот вопрос не вызвал сомнений и не породил никаких ученых дискуссий. Высказанный около 200 лет назад взгляд прочно удержался в науке вплоть до наших дней. Сущность его сводится к тому, что указанный храм на боспорских монетах все нумизматы называют храмом Юпитера Капитолийского, сооруженным боспорскими царями в одном из боспорских городов в знак своего почтения к Риму³.

Разделяя установившийся взгляд, что надпись КА—ПЕ означает, повидимому, сокращенную форму слова КАΠΕΤΟΛΙΟΝ, я все-таки не могу согласиться с якобы вытекающим отсюда выводом, что монетное изображение храма воспроизводит облик некогда сооруженного на Боспоре храма Юпитера Капитолийского. Такое мнение сложилось у меня на основании следующих рассуждений.

1. Никакими древними литературными и эпиграфическими свидетельствами факт сооружения на Боспоре храма Юпитера Капитолийского пока не подтверждается, и монеты остаются единственным источником таких предположений.

2. Внешний облик боспорского храма, о котором мы судим только по несовершенным изображениям на монетах, абсолютно не сходен ни с одним известным изображе-

¹ См. А. И е с с е н, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947, стр. 14 сл.

² П. О. Бурачков, Общий каталог монет, принадлежащих эллиническим колониям, Одесса, 1884, стр. 262, № 189 и стр. 266, №№ 213, 214.

³ Сагу, Histoire des rois de Thrace et de ceux du Bosphore Cimm., éclaircie par les médailles, Paris, 1752; Кёне, Музей кн. Кочубея, Спб., 1857, II, стр. 260—261; А. В. Орешников, Каталог собр. древностей гр. А. С. Уварова, М., 1887, вып. VII, стр. 97—98, прим. к № 622; Н е а d, Historia numorum, Oxf., 1911, стр. 505; М i n n s, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, VIII, 5.

нием храма Юпитера Капитолийского в Риме. Если на боспорских монетах воспроизведен храм, копирующий римский, то он должен был бы повторять либо облик того храма, который существовал до 69 г. (т. е. до того, как он был сожжен солдатами Вителлия), либо тот, который был восстановлен Веспасианом. Оба римских храма имели по шесть колонн на фасаде, на боспорском же храме мы видим пять колонн. Если допустить, что боспорский храм копировал римский, восстановленный Домицианом после нового пожара, то и в таком случае обнаруживается несоответствие, так как домициановский храм имел портик с четырьмя колоннами¹.

Рис. 1. Боспорская монета Котиса II

Рис. 2. Боспорская монета Евпатора II

Рис. 3. Монета неизвестного боспорского царя

Я предвижу справедливое возражение, что вряд ли точное копирование римского храма могло входить в непеременимое условие сооружения аналогичной постройки на Боспоре и что здесь могли построить храм Юпитеру, в архитектурном отношении самостоятельный и с любым количеством колонн. Все же я счел пугным указать на это, поскольку отмеченной архитектурной особенностью боспорского храма, т. е. наличием пятиколонного фасада, придаю огромное и решающее значение, как явлению, несомненно, локального характера.

3. У нас нет оснований так неразрывно связывать надпись КА—ПЕ с помещенным тут же изображением храма. Слово «капитолий» только для Рима было именем собственным, вне Рима этим словом, в нарицательном смысле, назывались сооруженные по аналогии с римским Капитолием цитадели римских провинциальных городов. В этих цитаделях воздвигались передко храмы в честь тех же трех римских божеств — Юпитера, Юноны и Минервы. Наличие храмов в честь указанных трех богов не могло вытеснить почитания других.

Хотя Боспор и не являлся римской провинцией, но возможно, что и на Боспоре, в одном из крупнейших его городов, подобный capitoлий был создан. Но какие у нас основания утверждать, что подобная цитадель была воздвигнута на совершенно новом месте? Более вероятно, что боспорский capitoлий помещался там, где и в доримские времена мог быть сосредоточен стратегический и муниципально-религиозный центр

¹ О восстановлении храма Юпитера Капитолийского в Риме, его внешнем виде, изображениях на римских монетах и относящуюся к этому вопросу литературу см. «Нум. сб.», II (1915). стр. 199 сл.

одного из городов, где находились лучшие храмы с их сокровищами и дарами, т. е. на месте акрополя. А раз так, то главными храмами в силу традиций могли остаться те же, которые существовали здесь издавна. Я предполагаю, что надпись КА—ПЕ на боспорских монетах следует понимать как наименование капитолия в указанном смысле, т. е. как городской цитадели, которая была создана (или, скорее всего, восстановлена) в римское время. Вместе с капитолием мог быть сооружен или восстановлен главный храм, стоявший на его территории, причем такой храм мог быть и не в честь Юпитера, а в честь другого бога. Надпись КА—ПЕ не поясняет монетного изображения, а дополняет его; при помощи надписи и изображения увековечивается факт сооружения (или восстановления) какого-то боспорского капитолия и главного храма на нем.

Прежние исследователи считали, что в надписи КА—ПЕ как бы заключено прямое указание на то, какому именно богу посвящен этот храм. Я полагаю, что надпись не вносит ясности в этот вопрос, а оставляет его открытым, она сообщает не наименование храма, а, по видимому, наименование территории священной округи этого храма.

Маловероятно, чтобы на боспорских монетах появились изображения какого бы то ни было античного храма, на Боспоре не существовавшего, в результате слепого заимствования такого монетного типа с каких-нибудь римских или римско-провинциальных монет. Появление боспорских монет с такими изображениями, несомненно, должно было стоять в прямой зависимости от действительного сооружения или восстановления подобной постройки на Боспоре.

Следует обратить внимание на то, что серия монет с храмом появляется на Боспоре как бы внезапно, держится с перерывами в течение около 50 лет и исчезает бесследно, не имея, таким образом, ни своих типологических предшественников, ни дальнейшего развития. Тип монет с храмом стоит особняком, как временный и однообразный архитектурный мотив без повторений и вариантов, без аналогий не только на Боспоре, но и во всей монетной типологии Северного Причерноморья¹.

Использование монет для воспроизведения на них изображений храмов почитаемых богов—хорошо известная традиция античности, в особенности в римскую императорскую эпоху. На Боспоре такой случай представлен единственным примером, позволяющим сделать вывод, что некий храм, реально существовавший в действительности, был, очевидно, настолько знаменит, а божество, которому он был посвящен, настолько почитаемо, что сооружение или восстановление храма оценивалось современниками как событие экстраординарное, имеющее большое общественно-религиозное и политическое значение и достойное быть увековеченным на монетах. Если тип с храмом рассматривать в сопоставлении с более широким кругом боспорских монетных изображений религиозно-культового содержания, то сделанные наблюдения помогут разобраться в вопросе о принадлежности храма совершенно определенному божеству.

Религиозно-культовая тематика боспорских монет римской эпохи чрезвычайно показательна: начиная со времен Августа, главным образом с монет Кесарип (переименованного Пантикапея) и монет Агриппии (переименованной Фанагории), а затем на монетах Гипепириц, Котиса I, Рескупорида I, Савромата I, Котиса II и Евпатора II, представлены изображения, несомненно, одного и того же божества, сначала изображавшегося в виде женского бюста с калафом, двадемой или башенной короной на голове, а со времени Савромата II (174—210 гг. н. э.) до второй половины III в. преимущест-

¹ Единственной монетой, которую можно было бы привлечь в качестве хотя бы далекой и более ранней по времени аналогии нашей серии, оказывается та, что издана Бурачковым на табл. XXII за № 162, медная с изображением головы Зевса (?) на аверсе и четырехстолпного античного храма с надписью ΠΑΝ, ΕΥ на реверсе. Уникальность экземпляра, сильная потертость его (см. А. А. Бертье-Делагард, Поправки к каталогу Бурачкова, 1910, стр. 23), а также исключительная примитивность изобразительных приемов и невозможность ознакомиться с оригиналом заставляют меня воздержаться от того, чтобы ставить его в какую-либо связь с изучаемой серией и делать какие-либо наблюдения и выводы.

венно в виде сидящей на троне фигуры, которая по своим символам, атрибутам, общим внешним иконографическим признакам и сходству со многими древними эллинскими, малоазийскими и иранскими женскими божествами именуется исследователями различно: то Астартой, то Кибелой, то Деметрой, то Афродитой, то великим местным женским божеством. Прочного мнения в этом вопросе еще нет.

Я согласен с теми учеными, которые видят в этой богине Афродиту-Уранию-Апатуру, культ которой издавна известен на Боспоре на основании свидетельств древних авторов, лапидарных надписей и памятников изобразительного искусства.

Характерно, что на протяжении I—III вв. н. э. на боспорских монетах мы не видим изображений других богов, кроме Афродиты¹ и Ники². Ника представлена на монетах в обычной античной традиции олицетворения военных побед, в данном случае побед боспорских правителей друг над другом при династических столкновениях между собой и побед отдельных царей над варварами, беспокоившими боспорское государство и одновременно создававшими серьезную угрозу окраинам огромной римской империи. Афродита же представлена в довольно распространенном для эллинистическо-римского времени синкретическом образе покровительницы государства.

Превращение одного из древнейших и распространеннейших боспорских культов в государственное было результатом не только длительного и сложного процесса его предшествующего развития на Боспоре и влияния близких по своей природе других культов боспорских и соседних городов (например Девы Херсонесской), но и обусловлено теми особыми причинами, которые появились в общественной и политической жизни самого Боспорского государства в римское время.

Предшествующая эпоха с ее нашествием скифов, понтийской и затем частичной римской оккупацией, внутренними социальными и политическими столкновениями в корне пошатнула боспорскую государственность и поколебала авторитет царской власти. В древнейшем боспорском культе Афродиты-Апатуры — древнейшей покровительницы рода, племени и этнического единства боспорских эллинов-колонистов цари Боспора в римскую эпоху обрели средство укрепления своей власти, якобы даруемой божеством, зависимой от божества, притом местного божества.

Такой взгляд на сущность царской власти, конечно, складывался из общих сложных воззрений эпохи, но этому способствовали и те скрытые формы антирмских настроений, которые сохранялись и у самих царей, и у влиятельных кругов боспорской знати, видевшей в государственной независимости Боспора залог своей экономической мощи. Ограниченной власти боспорского царя, ставившегося в международных отношениях в зависимость от Рима, противопоставлялась идея неограниченной власти того же монарха над своим народом, как «помазанника божия», и «царя-победителя» варваров. Такие идеи и тенденции не только не были страшны могущественному Риму, но скорее выгодны, так как способствовали образованию такого периферийного государства, которое могло самостоятельно экономически обеспечить римскую армию и флот, находившихся в Понте Евксином, и стратегически препятствовать в буферное государство против варваров, создававших постоянную угрозу окраинам Римской империи. Отношения Рима к Боспору вылились в компромиссные, союзно-зависимые отношения, начавшие складываться еще при Асандре (эпоха Августа) и получившие крайнее выражение при Котисе I (эпоха Клавдия и Нерона), затем постепенно пришедшие к чисто официальным внешним проявлениям дипломатического этикета и политическим связям, с явно выраженной взаимной заинтересованностью обеих сторон в экономических и военных делах.

Возрождению культа Афродиты в значительной мере могло способствовать еще одно обстоятельство, на которое историки Боспора мало обращали внимания, а именно, что центр тяжести боспорской государственности в римское время все больше переносился на азиатскую сторону, более выгодную по своему географическому положению в эко-

¹ У Бурачкова приведено 29 различных типов.

² У Бурачкова приведено 10 различных типов.

номическом и стратегическом отношениях. И военная активность боспорских царей все больше переключалась на варваров, нажимавших с востока и создававших угрозу не только Боспорскому государству, но и оккупированной Римом Таврике. Проявление старых автономистических тенденций, которые издавна были сильны на азиатской стороне и в прошлом обращались против агрессий сначала Спартокидов, а затем против ипоземных властелинов, теперь не встречали особенно сильного протеста со стороны Рима и поэтому могли свободно развиваться и способствовать возрождению Боспорского государства, что мы и наблюдаем главным образом во II в. н. э.

Такая конъюнктура в политике, экономике и культуре Боспора несомненно благоприятствовала возрождению и старых, прочно сложившихся культурных традиций азиатской стороны, повидимому, к тому же мало поколебленных в предшествующую неспокойную эпоху. Азиатская сторона в римскую эпоху становится равноправной частью, а порою, может быть, и главной частью государства, его политическим центром с резиденцией боспорских царей в Фанагории. Старый фанагорийский культ Афродиты-Апатуры, раньше распространенный преимущественно на азиатской стороне, не только в силу внутреннего содержания, но и в значительной мере автоматически продолжал развиваться на старых местах, превращаясь в официальный культ всего государства.

На фоне обрисованной культурно-исторической обстановки становится ясным значение, которое приобрел культ Афродиты-Апатуры в римское время на Боспоре и почему образ богини неизменно представлен на монетах того времени. Образ верховной богини государства, фигурирующий в роли монетного типа, это не только прием религиозной пропаганды, одновременно это прием пропаганды политической идеи, продиктованной настроениями и тенденциями к независимости. Перемена в монетной иконографической традиции, происшедшая при Савромате II и заключающаяся в том, что вместо головы богини стала изображаться вся сидящая на троне фигура, строго говоря, должна рассматриваться как новый изобразительный прием, который не вытеснил старый, а получил только свое преимущественное применение. Новый прием изображения богини сидящей, несомненно, воспроизводит с т а т у а р н ы й тип. Появление нового иконографического приема на монетах закономерно поставить в прямую зависимость от вероятного сооружения культовой храмовой статуи, созданной вновь, либо восстановленной. Указанная перемена в монетной иконографии богини, повидимому, увековечивает определенный факт в истории боспорского культа, и первые серии таких монет носят явно коммеморативное [значение, превращаясь в дальнейшем в деградирующий стандартный тип.

Надо полагать, что сооружение или восстановление храмовой статуи должно было стоять в тесной связи с сооружением или восстановлением самого храма того же божества, который был воздвигнут, несомненно, несколько раньше статуи. Монетный тип сидящей богини, по мнению А. Н. Зографа¹, появился в то десятилетие царствования Савромата II, когда он произвел реформу денежного обращения, т. е. в 483—493 гг. боспорской эры или 186—196 гг. н. э. Очевидно, к этому времени следует отнести и создание культовой статуи.

Период, начиная с рубежа I—II вв. (правление Савромата I) и кончая 80-ми годами II в. (правление Савромата II), представляется мне тем длительным промежутком времени (около 80 лет), в течение которого производились на Боспоре большие восстановительные и строительные работы, связанные с реконструкциями святилищ верховного божества, о чем сообщают дошедшие до нас надписи времени Савромата I (IOSPE, II, 352 и ИАК, вып. 23, № 32).

К немного более позднему времени относятся все серии медных монет с пятиколонным храмом и монограммами, которые увековечивают, всего вероятнее, восстановление одного из храмов — именно этого женского божества — Афродиты-Апатуры и прославляют заслуги тех боспорских царей, которые приняли участие в этих работах.

¹ «Реформа денежного обращения в Боспорском царстве при Савромате II», ВДИ. 1938, № 2, стр. 289.

Эти серии выпускались, очевидно, одновременно с сериями иконографическими, и, по видимому, выпуски первых связаны с отдельными этапами работ по сооружению Капитолия в целом и, в частности, одного и того же главного храма, там располагавшегося.

Не только одновременность выпуска этих серий с сериями иконографическими дает мне основание статуарный образ и храм связывать с одним и тем же именем божества, но и еще одно обстоятельство кажется мне не случайным. Прекращение выпуска монет с храмом происходит до появления монет с типом статуарным (между 170 и 174 гг. см. выше). Иначе говоря, коммеморативный статуарный тип приходит на смену не только старому иконографическому типу в виде бюста богини (который не исчезает окончательно, а продолжает изредка появляться у последующих царей), но коммеморативный статуарный тип приходит одновременно на смену предшествовавшему ему коммеморативному типу архитектурному, который при появлении статуарного совершенно исчезает с боспорских монет. Итак, я предполагаю, что храм, изображенный на боспорских монетах, воспроизводит храм в честь верховной богини государства Афродиты-Урании-Апатуры, увековечивая строительный период, связанный с архитектурной частью этого храма, а выпущенный через некоторое время новый тип — статуарный увековечивает завершительные работы, связанные с постановкой статуи богини в этом храме. Не пантикапейский храм Юпитеру Капитолийскому, как предполагали предшествующие исследователи, изображен на монетах, а скорее всего одно из святилищ Афродиты, и, наиболее вероятно, — древнейшее и известнейшее, фанагорийское, теперь, в римское время, ввиду вероятного перенесения столицы в Фанагорию, оказавшееся в самом центре государства, в резиденции боспорских царей.

О наименовании святилища мы знаем со слов древних авторов (Гекатея, Страбона, Стефана Византийского), а также по титулатуре богини, встречающейся в лапидарных надписях и в своей наиболее пространной форме «Афродиты-Урании — владычицы Апатура», заключающей в себе название этого святилища.

Основываясь на тех же литературных и эпиграфических источниках, мы можем заключить, что святилище это просуществовало примерно от середины VI в. до н. э. до конца Боспорского государства (нач. IV в. н. э.), т. е. более 800 лет. Длительность существования этого святилища, а также появление на Боспоре и других храмов в честь той же богини, из которых один, по видимому, крупнейший — Синдский был соименен фанагорийскому, служит одним из подтверждений большой распространенности культа Афродиты на протяжении всей истории Боспора и на азиатской стороне по преимуществу.

В течение такого продолжительного времени фанагорийское святилище могло претерпеть и менять свой архитектурный облик. У нас имеются только сведения о факте существования святилища и его названии и нет еще никаких реальных остатков его, открытых заступом археологов. Считается, что нет и памятников изобразительного искусства, на основании которых мы имели бы возможность составить себе хотя бы приблизительное представление о знаменитом в древности и не дошедшем до нас архитектурном произведении.

Если моя гипотеза верна, то пробел в наших сведениях о главном святилище Афродиты-Апатуры, по видимому, в известной мере может считаться заполненным. Три особенности, несомненно, являются индивидуальными, отличительными чертами архитектуры этого храма: 1) пятиколонный портик фасада; 2) ионийский ордер; 3) высокий стилобат с пятью ступенями.

Пятиколонный фасад в античной архитектуре — явление весьма редкое в особенности для римской эпохи, заставляющее нас предполагать более раннее происхождение данного памятника, который был лишь возобновлен в своем первоначальном виде в римское время. Вопрос этот особый и нуждается в специальном исследовании.

В связи с затронутым вопросом о пятиколонном фасаде на монетном изображении нельзя не упомянуть об одном скульптурном боспорском памятнике, любопытном по композиции и содержанию. Привлечение его в качестве аналогии монетам позволяет не только осветить шире вопрос об отмеченной архитектурной особенности, но также подтвердить правильность установленной связи пятиколонного храма с именем Афродиты.

Я имею в виду надгробие, найденное в 1889 г. в Керчи в неизвестном месте и хранящееся теперь в Гос. Эрмитаже (см. рис. 4)¹, не имеющее аналогий среди известных боспорских памятников того же рода, глубоко индивидуальное по своей композиции и содержанию. Ростовцев считал, что здесь представлены изображения двух покойников, а окружающая их архитектура воспроизводит «монументальную гробницу в два этажа, посвященную Деметре или находящуюся под ближайшим ее покровительством, как большинство керченских гробниц (на посвящение Деметре указывает голова Деметры на фронтоне)»².

Мне кажется, что здесь изображены не два покойника, а один, и весь окружающий архитектурный мотив представляет собою не «монументальную гробницу в два этажа», а фасад пятиколонного храма, подразумеваемого на втором плане, но условно помещенного поверх пятифигурной группы, как бы во втором ярусе. Взаимоотношения между отдельными частями композиции рисуются мне следующим образом. В целом рельеф надгробия построен по принципу эдикулы, но камень завершается не обычным антаблементом с фронтоном, а сложной архитектурной надстройкой в виде портика ионийского ордера, вкомпонованного в обычный прямоугольный блок, украшенный небольшим карнизиком и двумя розетками по бокам. Боковые ионийские колонки нижнего яруса являются не конструктивной частью воспроизведенной вверху архитектуры, а декоративным обрамлением стоящей внизу фигурной группы. Здесь своеобразно сочетались принципы конструктивной, декоративной и условно реалистической композиции. При реалистической композиции фигуры рельефа должны были бы заслонять предметы второго плана, но здесь художник механически вынес второй план наверх и добился изолированного показа изображений разных планов. Группа должна восприниматься как бы стоящей перед храмом.

Она состоит из пяти фигур: военачальника в панцире и плаще, женщины в торжественном облачении, двух аллегорических фигур (Эрота и Ники) и гермы. Здесь, несомненно, представлен биографический эпизод из жизни умершего военачальника, приносящего, после одержанных побед, благодарственную жертву божеству. В левой руке его — копье или жезл (отломан), в правой — чаша или пatera. Под правой рукой его — невысокий столбик с чашей и кропилом, находившийся всегда в притворе храма и служивший для предварительного очищения перед жертвоприношением. Военачальник изображен в момент совершения бескровного жертвоприношения (*libatio*), после предварительного окропления себя водою. Факт его победы изображен аллегорически: Ника подлетает к нему слева и простирает над головой венки. Рядом с военачальником стоит, конечно, не «жена его в образе богини Афродиты», как толковал Ватцингер, а, несомненно, жрица в одежде и с атрибутами той богини, в храме которой она совершает свои жреческие обязанности и перед храмом которой совершается жертвоприношение. Жрица одета в длинную одежду, с покрытой головой, украшенной диадемой; в правой руке она держит полусферическую чашу или, быть может, шар (если верхнее полушарие обломано), в левой руке — длинный жезл (скипетр). Позади, слева, за спиной, виднеется Эрот. Атрибуты и присутствие Эрота говорят о том, что жрица изображена в облике Афродиты, из чего ясно, что вся сцена представлена перед

¹ Впервые издано у Kiezeritzky-Watzinger, Griech. Grabreliefs aus Südrussland, Berlin, 1909, табл. XXVIII, рис. 407.

² М. И. Ростовцев, Роспись керченской гробницы, открытой в 1891 г., «Сб. честь Бобринского», Спб., 1911.

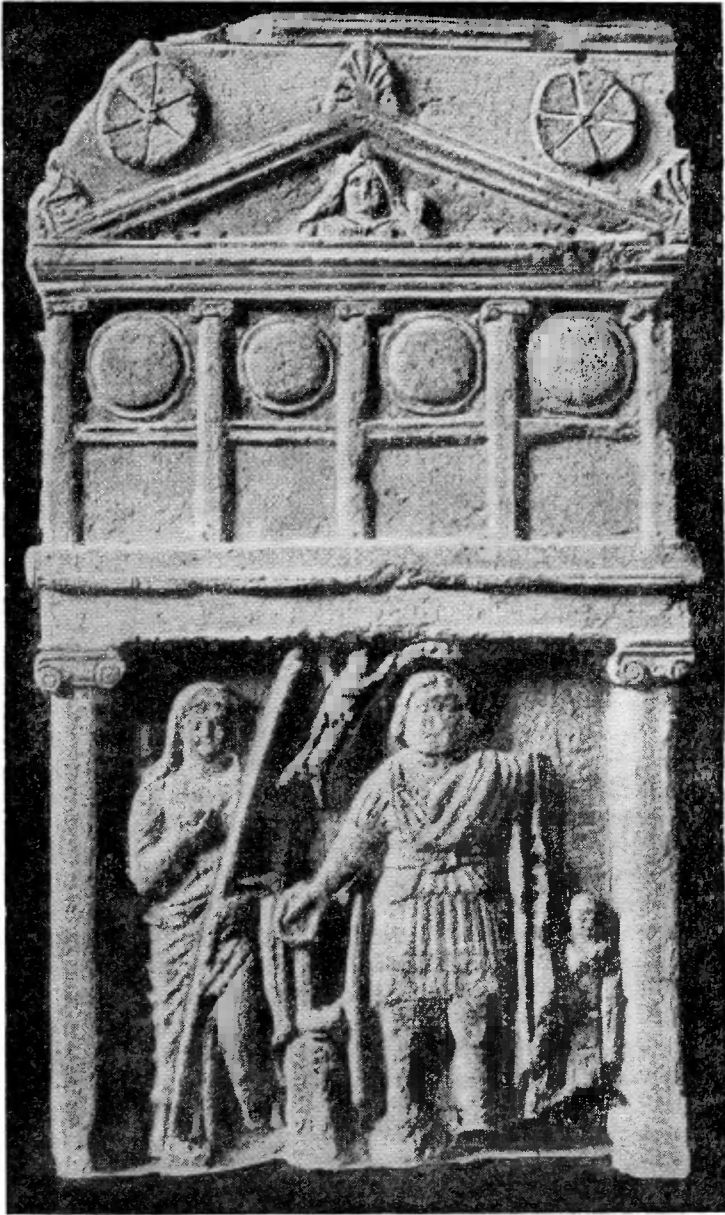

Рис. 4. Керченское надгробие. Гос. Эрмитаж

храмом Афродиты. Герма справа также, очевидно, стоит в связи с Афродитой и, возможно, изображает одно из приношений, стоявшее возле храма. Такую подлинную герму, посвященную Афродите, мы знаем по фрагменту IOSPE, II, 343, найденному в Синдике.

Что здание, расположенное в верхнем ярусе (т. е. на втором плане), действительно изображает храм Афродиты, подтверждается, кроме того, бюстом женского божества, помещенным на фронте, с башенной короной на голове, с покрывалом и неопределенным атрибутом в левой руке. Повидимому, это остатки отломившегося скипетра, подобного тому, который находится в руках жрицы. Ватцингер и Ростовцев называют ее Деметрой. Мне представляется, что, на основании исключительной близости ее к изображе-

нию сидящей Афродиты на золотом медальоне из б. собрания И. И. Толстого¹, ее следует считать Афродитой. Такой бюст в тимпане фронтона не следует понимать реалистически и рассматривать как «фронтонную скульптуру» храма. Это изображение тоже условное, его надо понимать как верхнюю часть статуи, которая в действительности находится внутри здания, т. е. на третьем плане, совершенно невидимом. Изображение третьего плана осуществлено по тому же принципу, как это сделано со вторым планом — ярусами, только в роли полезной площади оказался использованным просвет фронтона. Частичный показ храмовой статуи был продиктован, очевидно, стремлением во что бы то ни стало пояснить, перед храмом какого божества разворачивается эта сцена². Между колоннами расположены четыре круглых щита, развешанных на стене целлы храма. Возможно, они декоративные, но скорее всего они-то и являются приношением военачальника.

Обломанная часть, возможно, имела надпись, которая многое могла бы нам разъяснить, если бы сохранилась. В настоящее время фрагмент имеет высоту только 0.87 м. Ватцилгер датировал надгробие II в. до н. э.

На основании иконографической близости образа жрицы и бюста богини в тимпане фронтона к образу Афродиты на боспорских монетах II в. н. э., а также формы щитов, развешанных на целле храма и имеющих аналогию со щитами на ливестигурных монетах боспорских царей того же времени (т. е. конца I — начала III в. н. э.), я считаю необходимым пересмотреть вопрос о датировке керченского надгробия № 407. Его можно считать более поздним, скорее всего относящимся к рубежу I—II или даже ко II в. н. э., что не стоит в противоречии с его стилем, хотя сохраняющим в себе еще не изжитые традиции позднеэллинистических боспорских надгробий, но все же явно обнаруживающим поворот в сторону деградации, характерной для римского времени³.

Таким образом, надгробие по всем данным относится приблизительно к тому же времени, к которому относятся и монеты с изображением храма. Пятиколонный фасад ионийского ордера на надгробии и на современных ему монетах — явление более правдоподобное, чем на памятниках разновременных. Обе реплики восходят к одному реальному архитектурному памятнику Боспора, послужившему прототипом и для надгробия и для монет.

Л. П. Харко

ПЕРМСКИЙ ВСАДНИК

Одним из излюбленных мотивов изображений на серебряных блюдах юго-восточного происхождения, найденных в Прикамье, является образ царя из династии Сасанидов во время охоты на диких зверей, которых он поражает мечом, копьём или стрелами.

Обычно царь на этих блюдах изображен в парадных одеждах, с характерным головным убором, верхом на богато убранный коне. Центральную фигуру всадника окружают бегущие звери — львы, кабаны, небольшие рогатые животные, зайцы, лоси или олени, собаки (рис. 1 и 2).

Невольно возникает вопрос — почему именно этот сюжет так часто встречается

¹ ИАК, 49 (1913), табл. II, рис. 3.

² Нечто подобное мы видим на римском надгробии Гатериев эпохи Флавиев (Рим, Латеранский музей), где бюст погребенного помещен на фронтоне гробницы, изображенной на рельефе, см. W i n t e r, Kunstgeschichte in Bildern, neue Bearbeitung. I. Das Altertum, вып. 5—6, стр. 171, рис. 3.

³ Ю. Ю. М а р т и, Позднеэллинистические надгробия Боспора, как историко-культурный документ, СА, VII (1941).